

Елена Крикливец,
ВГУ им. П.М. Машерова,
Витебск)

**«ЭКОЛОГИЯ ДУШИ» В ПОВЕСТЯХ В. РАСПУТИНА,
В. АСТАФЬЕВА, В. КОЗЬКО, Б. САЧЕНКО**

Во второй половине XX века в советской литературе складывается художественное явление, которое по преобладающей проблематике можно назвать «экологической» прозой. Действительно, в 1960-е – 1980-е годы стали очевидными негативные для природы и человека проявления технократических стратегий развития народного хозяйства бывшего СССР. Теми, кто оказался равнодушным к создающейся экологической ситуации в стране, были и многие писатели. Они не приняли сциентизм и технократизм как основания для решения сложных общественных и глобальных проблем, подняли голос протеста против неосторожного внедрения в природу. Их публикации в массовых изданиях о состоянии природной среды в разных регионах страны получили признание и поддержку со стороны самых широк их слоев общественности.

В статье «Литература и природа» С.П. Залыгин писал, что литература всегда обращалась к описанию страданий людей, отношений между ними, трагизма этих отношений. «Но вот в конце XX века выявилась совершенно другая сфера и причина глобальной трагедии – в отношениях между человеком и природой. И новизна, неожиданность этой трагедийности застала литературу врасплох, совершенно не подготовленной к ее новой роли. Литература все еще не восприняла “проблему природы” как, безусловно, главную проблему современного мира» [3, с. 10].

Тема взаимодействия человека и природы стала предметом внимания многих русских писателей: В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина и др. Безусловно, художественные произведения этих прозаиков выходят далеко за рамки «экологической» проблематики. Система «человек – природа» становится частью размышлений авторов о морально-этических качествах личности.

Начавшиеся негативные изменения природы не оставили равнодушными и белорусских писателей, которые в своем творчестве сумели выразить те экологические проблемы, с какими столкнулась наша страна. Они раньше представителей науки стали предупреждать общество о возможных последствиях интенсивного вмешательства человека в процессы природы. В Беларуси оно проявилось, прежде всего, в крупномасштабном осушении земель Полесья и в загрязнении

окружающей среды химическими соединениями и радиацией после аварии на ЧАЭС. Обо всем этом в своих художественных и публицистических работах писали В. Короткевич, А. Адамович, Б. Саченко, В. Карамазов, В. Козько. Отметим, что в произведениях этих авторов говорится не только о трагизме природы, но и о трагизме человека, утратившего связь с природой, понесшего наказание за свои необдуманные действия.

Объектом нашего исследования стали повести В. Астафьева, В. Распутина, В. Козько, Б. Саченко, в которых тема взаимоотношений человека и природы является центральной, обуславливает идейное содержание, влияет на композицию и сюжетную линию.

Восприятие природы как естественной среды обитания имеет глубинные корни. Наиболее отчетливо свою связь с окружающей природой ощущал человек в эпоху общинно-родового строя, когда весь окружающий мир казался ему организованным по законам семьи, рода. Очевидное преобладание синкретического, мифологического сознания не позволяло человеку усомниться в необходимости подчиняться законам природы в той же степени, в которой он подчинялся законам рода, иначе не избежать наказания. В этом и заключалась гармония, равновесие окружающего мира. В ходе эволюции такое положение вещей принципиально изменилось, правильнее сказать, было нарушено. Научно-технический прогресс порождал все новые и новые амбиции, в том числе и желание доказать господство человека над природой, подчинить природу насущным экономическим и социальным потребностям. Человек сознательно нарушил взаимосвязь со своей естественной средой, данной ему по факту рождения и альтернативы которой нет.

Тема природы в творчестве В. Астафьева претерпевает определенную эволюцию. Так, первый период творчества писателя, названный исследователями «пермским» или «уральским» [2], можно охарактеризовать как период становления жанрово-стилевой системы и кристаллизации проблематики. В это время в ряду прочих, преимущественно автобиографических произведений, была создана повесть «Стародуб», в центре которой находилась система отношений «человек – природа». Именно в «Стародубе» были намечены основные мотивы, связанные с темой природы в прозе писателя. Здесь впервые В. Астафьев «сталкивает» два типа сознания – «естественного» человека и героя, воспитанного социумом. Законы природы, исповедуемые Култышом и его приемным отцом, противопоставлены варварским законам человеческого общества, конкретнее – постулатам религии старообрядцев. П.А. Гончаров отмечает, что «мировосприятие писателя, отталкиваясь от связанного

с “соцреалистическим каноном” атеизма, эволюционирует к пантеизму» [2, с. 14]. В повести «Стародуб» тайга кормит и согревает героя, защищает его от враждебного «чужого» мира. Так же, как ребенок постигает законы семьи, с детства постигал Култыш законы тайги, любил и охранял ее, как родной дом. Человек всегда носит в себе частицу дома, в котором вырос, Култыш даже после смерти остался неразрывно связан с тайгой (об этом свидетельствует кедр, выросший на могиле героя). Мотив нарушения человеком законов природы звучит в повести пока не очень отчетливо, теряясь в комплексе других мотивов. Амоса трудно в полном смысле назвать браконьером. Им движут гордыня, амбиции, отчасти – отчаяние, необходимость кормить семью. Его поход в тайгу, закончившийся трагедией, случай единичный, а не проявление закономерности. Гораздо четче и обоснованнее представлен мотив преступления и наказания, ставший впоследствии центральным в «Царь-рыбе»: за грубое отношение к природе человек понес адекватное, не менее страшное наказание: поплатился жизнью.

Новую страницу в творчестве писателя открыло издание первой книги «Последнего поклона». Двумя годами позже создавалась «Ода русскому огороду». Эти два, на первый взгляд, сюжетно и композиционно разные произведения имеют много общего. В обеих повестях автор воскрешает в памяти детское мировосприятие, смотрит на окружающий мир глазами ребенка. Первым микромиром, в который попадает ребенок после рождения, выступает мир семьи. Жизнь семьи автобиографического героя В. Астафьева и в одном, и во втором произведении самым непосредственным образом взаимосвязана с жизнью природы, подчинена природному земледельческому циклу. Параллельно с миром семьи ребенок познает окружающий его мир природы. В данном случае большое значение приобретает локус огорода, так как именно огород приоткрывает ребенку тайны огромного и неизведанного мира природы, реализует идею единения человека и природы, достичь которого можно через самоотверженный труд и любовь ко всему живому. В широком смысле огород выступает микро моделью всего природного космоса: «Мальчику все еще казалось, что за изгородью, скрепленной кольями, нет никакого населения, никакой земли – все сущее вместилось в темный квадрат огорода» [1, с. 15–16]. Гармония этого космоса остается незыблемой, что бы ни происходило в судьбе героя.

Особое место в прозе В. Астафьева занимает повествование в рассказах «Царь-рыба». Появление этого произведения позволило литературоведам и литературным критикам заговорить о присутствии экологической проблематики в прозе писателя. Первая часть

повествования характеризуется однотипностью сюжетной логики всех рассказов о грубом вторжении человека в мир природы – каждый из них обязательно завершается нравственным наказанием браконьера. Заметим, что больший урон при этом терпит не природа, а, прежде всего, сам человек. На первое место в своей книге В. Астафьев ставил экзистенциальную проблематику: «Вот в моей “Царь-рыбе” вдруг нащупали тему экологии. Да какая же она экологическая! Это книга об одиночестве человека, и большинство любой литературы – нашей и американской – она вся об одиночестве человека» [4, с. 112]. Человек, предавший свой дом, отрекшийся от самого себя, обречен на одиночество. В «Царь-рыбе» духовная состоятельность героев выявляется через их отношение к природе. Не случайно «по контрасту с первой частью, которую целиком заняли браконьеры из поселка Чуш, зверствующие на родной реке, во второй части книги на центральное место вышел Акимка, который духовно сращен с природой-матушкой» [4, с. 110]. Однако Аким – скорее исключение, нежели правило: таких, как он, становится все меньше. Оттого и не приносят умиротворения афоризмы Екклезиаста, которыми заканчивается повествование: искомая гармония между человеком и природой не достигнута.

Нет сомнений в том, что с наибольшей остротой экологическая проблематика раскрыта В. Козько в романе «Неруш». Но отметим, что тема взаимовлияния двух планов человеческого существования – природного и социального – раскрывалась белорусским писателем и в меньших эпических формах. Так, тема чернобыльской катастрофы затрагивается В. Козько в повести «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел». Авария на ЧАЭС явилась, по мысли многих белорусских писателей, апогеем хаоса, который вносит технократическое общество в жизнь природы. Конечно, идейная глубина названной повести не исчерпывается только экологической проблематикой. В центре внимания В. Козько оказываются взаимоотношение человека и государственной системы, многие морально-этические аспекты. Чернобыльская авария – инвариант трагедии отрыва человека от родных корней, от привычного уклада жизни, причина и следствие нравственного разложения личности, духовного опустошения. Право «людзьмі звацца» герои В. Козько получают только тогда, когда проходят нелегкий путь восстановления утраченной гармонии (в данном случае – с природой Полесья), проявляют стремление защищать свой дом даже ценой жизни. Не случайно, свое истинное имя Лазарь Каганович вспоминает только в момент гибели.

Таким образом, фабульная канва многих произведений о духовном отступничестве человека, о разрушении им своей естественной среды обитания, в широком смысле – своего дома в той

или иной степени соотносится с евангельской притчей о блудном сыне. Экологическая проблематика при этом связана не только с вопросами природопользования, но является составляющей экзистенциальных размышлений писателей.

После публикации повести «Прощание с Матерой» В. Распутина обвиняли в непонимании экономической значимости строительства гидроэлектростанции на Ангаре в масштабах всей страны. Действительно, в повести понятие «малой родины» ограничено пространством острова. Но для человека, родившегося на этом острове, Матера представлялась своего рода микрокосмом, вмещала все признаки гармоничной вселенной: «И тихо, покойно лежал остров, тем паче родная, самой судьбой назначенная земля, что имела она четкие границы, сразу за которыми начиналась уже не твердь, а течь. Но от края до края, от берега до берега хватало в ней и раздолья, и богатства, и красоты, и дикости, и всякой твари по паре – всего, отделившись от материка, держала она в достатке – не потому ли и называлась громким именем Матера?» [5, с. 35]. Следовательно, «Прощание с Матерой» – это прежде всего повествование о потере людьми дома, земли, хранящей память о предках, а значит, блудный сын обречен на вечное скитальчество, ибо родительского дома, в который можно вернуться и получить прощение, у него не осталось.

К мотиву преступления и наказания, звучащему в повестях В. Астафьева и В. Козько, присоединяется в повести В. Распутина мотив суда. Это суд мертвых над живыми за отступничество от земли и веры предков: «Сёдни думаю: а ить оне с меня спросят. Спросят: как допустила такое хальство, куды смотрела? На тебя, скажут, понадеялись, а ты? А мне и ответ держать нечем... Они спрашивают о надежде, они говорят, что она, Дарья, оставила их без надежды и будущего...» [5, с. 29, 126]. Это суд личной памяти над человеком за отречение от своих корней, от своего прошлого: «...это странным образом связывалось с прошлым, с каким-то потерянным воспоминанием, за которое с нее теперь спросится... Забыла... Вот оно наконец то, что, не открываясь, почти с самого начала сегодня изводило ее какой-то молчаливой давней виной, за которую придется держать ответ» [5, с. 83, 388]. Память о прошлом является залогом преемственности поколений, продолжения жизни. Одним из самых эмоциональных моментов повести «Прощание с Матерой», свидетельствующих о масштабах экзистенциальной катастрофы, становится разрушение кладбища. С точки зрения Дарьи и других обитателей Матеры, надругательство над «вечным домом» мертвых окончательно лишает человека права называться человеком: «Могилы зорить... – Дарья взывала. – А ты их тут хоронил? Отец, мать у тебя тут лежат? Ребятки лежат? Не было у тебя, у поганца, отца с матерью.

Ты не человек. У какого человека духу хватит?!» [5, с. 21]. Картина разоренного кладбища – приговор технократическому обществу, заменившему духовные ценности материальными.

В повести Б. Саченко «Ваўчыца з Чортавай Ямы» мотив суда соотносится с Ветхозаветной позицией адекватного наказания («око за око»). Природный мир персонифицирован писателем в образе волчицы Подгалой. Бездумно разрушая волчье логово ради строительства собственного дома, Иван вступает в опасное противоборство с природой. Сюжетная линия «человек – волчица» является в повести отражением антитезы «социум – природа», поскольку в произведении присутствует упоминание о процессе мелиорации Полесья. Природа живет по своим законам, хранит нравственный императив, уже недоступный миру людей. Бесцеремонного, потребительского отношения природа человеку не прощает и начинает мстить, как это делает волчица в повести Б. Саченко. Убийство обессиленной от злобы волчицы в финале произведения представляется весьма сомнительной победой человека над стихией природы. Разрушая гармонию внешнего мира, человек сам отвергает путь к спасению.

Таким образом, обращение к системе взаимоотношений «человек – природа» стало в творчестве и русских, и белорусских писателей второй половины XX века не только откликом на последствия природопользовательских проектов страны. Авторы убедительно показали, что природа никогда не была просто внешним фоном человеческого общества, а всегда выступала первичной и незаменимой основой жизни. Повести В. Астафьева, В. Распутина, В. Козько, Б. Саченко, в которых экологические аспекты неразрывно связаны с нравственно-этической проблематикой, свидетельствуют о том, что прозаики предупреждают не только о вероятности экологического кризиса, но, прежде всего, о неизбежности кризиса экзистенциального, поскольку человек, утративший связь с природой, позволяющий себе бездушное отношение к собственному дому, ожесточается, превращается в потребителя, становится безразличным к бытию других людей и будущих поколений.

Литература

1. Астафьев, В. П. Восьмой побег : Повесть, рассказы / В. П. Астафьев. – М. : Эксмо, 2007. – 640 с.
2. Гончаров, П. А. Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы второй половины XX века : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / П. А. Гончаров. – Тамбов, 2004. – 234 л.
3. Залыгин, С. П. Поворот / С. П. Залыгин. – М.: Молодая гвардия, 1987 – 312 с.
4. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература : 1950 – 1990-е годы : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / Н. Л. Лейдерман,

М. Н. Липовецкий. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – Т. 2. – С.107–118.

5. Распутин, В. Г. Повести / В. Г. Распутин. – Минск : Беларусь, 1983. – 528 с.